

*Посвящается
Эшли Элизабет Стил и Молли Кэтлин Маккул.
Спасибо за вашу любовь.
ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ НАВСЕГДА*

ГЛАВА I

НАРЦИСС

Персефона сидела на солнце.

Она выбрала любимое место в «Кофе Хаус» — столик на улице с видом на оживленную пешеходную улицу. Вдоль тротуара тянулись ряды раскидистых деревьев и клумб с пышно цветущими фиолетовыми астрами, белыми и розовыми приморскими лобуляриями. Легкий бриз разносил аромат весны, и медовый воздух был теплым и приятным.

День выдался отличным, и, хотя Персефона пришла сюда заниматься, ей было трудно сосредоточиться на учебе, потому что взгляд ее то и дело падал на нарциссы, что стояли в узкой вазе у нее на столике. Букет был жиденьким — всего два или три тонких стебля, — а хрупкие коричневые лепестки скручивались, как пальцы мертвеца.

Нарцисс был цветком и символом Аида, бога мертвых. Им обычно украшали не столы, а гробы. Присутствие этих цветов в «Кофе Хаус» означало, что владелец в трауре, потому что лишь в это время смертные преклонялись перед богом подземного царства.

Персефоне всегда было интересно, как к этому относился Аид и не было ли ему все равно. Все-таки он был не просто властителем ада. Будучи самым состоятельным среди богов, он заслужил титул богача и вложил свои деньги в несколько самых популярных клубов в Новой Греции — и это были не просто какие-то клубы, а элитные игорные дома. Говорили,

что Аид любит хорошие пари и редко принимает в качестве ставки что-либо, кроме человеческой души.

Персефона много слышала об этих клубах от других студентов в университете, а ее мать, которая нередко выражала свою неприязнь по отношению к Аиду, подобным образом высказывалась и о его бизнесе.

«Он взял на себя роль кукловода, — недовольно говорила она. — Вершит судьбы, словно он один из мойр. Ему должно быть стыдно».

Персефона никогда не бывала ни в одном из клубов Аида, но, надо признать, они пробуждали в ней любопытство — как в отношении людей, что туда ходили, так и в отношении бога, что ими владел. Что заставляло людей закладывать свои души? Жажда денег, любви или благосостояния?

И что это могло сказать об Аиде? Что ему принадлежат все богатства мира и он стремится их преумножить, вместо того чтобы помогать людям?

Но сейчас у Персефоны не было времени на поиск ответов.

Ей нужно было работать.

Оторвав взгляд от нарциссов, она сосредоточилась на экране ноутбука. Был четверг, и она ушла с занятий час назад. Заказала, как обычно, ванильный латте. Ей нужно было закончить исследовательскую работу, чтобы она могла сконцентрироваться на преддипломной стажировке в «Новостях Новых Афин», ведущем новостном агентстве Новых Афин. Стажировка должна была начаться завтра, и, если все сложится удачно, через шесть месяцев, когда Персефона получит диплом, у нее уже будет работа.

Ей не терпелось проявить себя.

Проходить стажировку ей предстояло на шестидесятом этаже Акрополя, одной из главных достопримечательностей Новых Афин — самого высокого городского здания, имевшего сто один этаж. Переехав сюда, Персефона в первую очередь посетила обсерваторию на верхнем этаже, откуда город был виден как на ладони. И он оказался именно таким, ка-

ким она его представляла, — прекрасным, огромным и волнующим. Четыре года спустя она с трудом могла поверить в то, что теперь будет приходиться в это здание на работу почти каждый день.

Лежащий на столе телефон Персефоны завибрировал, привлекая ее внимание. Ей пришло сообщение от лучшей подруги, Лексы Сидерис. Лекса стала ее первой подругой в Новых Афинах. Она повернулась к Персефоне на занятии и спросила, не хочет ли та объединиться с ней для выполнения лабораторной работы. С тех пор они стали неразлучны. Персефону привлекала несдержанность Лексы — у той были татуировки и черные, как ночь, волосы. А еще она просто обожала богиню колдовства, Гекату.

«Где ты?»

Персефона ответила: «Кофе Хаус».

«Почему? Нам надо отметить!»

Девушка улыбнулась. Две недели назад она рассказала Лексе о том, куда ее взяли на стажировку, и теперь та неустанно донимала ее предложениями сходить куда-нибудь отметить. Персефоне пока удавалось отложить этот поход, но все возможные отговорки были на исходе, и Лекса это знала.

«Я уже отмечаю, — набрала Персефона. — Ванильным латте».

«Кофе не катит. Алкоголь. Шоты. Ты + я. Сегодня вечером».

Прежде чем Персефона успела ответить, к ней подошла официантка с подносом, на котором дымился кофе. Персефона приходила сюда достаточно часто, чтобы заметить — девушка такая же новенькая, как и нарциссы. Волосы ее были заплетены в косы, а темные глаза обрамляли густые ресницы.

Девушка улыбнулась и спросила:

— Ванильный латте?

— Да, — кивнула Персефона.

Официантка поставила на стол чашку и убрала поднос под мышку.

— Что-нибудь еще?

Персефона встретила с ней взглядом.

— Как думаете, у лорда Аида есть чувство юмора?

Вопрос был несерьезным, и Персефоне он казался крайне забавным, но девушка растерялась:

— Я не понимаю, о чем вы.

Официантка явно чувствовала себя некомфортно, — вероятно, из-за упоминания имени Аида. Многие предпочитали не произносить его либо называть Аидонеем, чтобы не привлекать излишнего внимания, но Персефона не боялась. Возможно, это было как-то связано с тем, что она и сама была богиней.

— Я думаю, что у него определенно есть чувство юмора, — объяснила Персефона. — Ведь нарциссы — символ весны и перерождения. — Она поднесла пальцы к увядшим лепесткам. Эти цветы скорее должны были стать ее символом. — А иначе зачем он объявил их своими?

Персефона пронзила девушку взглядом, и у той заалели щеки. Она, заикаясь, произнесла:

— Д-дайте мне знать, если вам что-то понадобится.

Официантка склонила голову и вернулась к работе.

Персефона сфотографировала кофе и отправила его Лексе, прежде чем сделать глоток.

Она надела наушники и сверилась с ежедневником. Персефоне нравилось чувствовать себя организованной, но еще больше ей нравилось чувствовать себя занятой. Ее недели были плотно загружены — занятия по понедельникам, средам и четвергам, стажировка до трех часов каждый день. Чем больше она делала, тем больше у нее было оправданий не возвращаться домой в Олимпию, чтобы повидаться с матерью.

На следующей неделе у нее будет тест по истории, а ей еще предстояло подготовить доклад по тому же предмету. Но она не волновалась. История была одним из ее любимых предметов. Они обсуждали Великое сошествие, как назвали день, когда боги спустились на Землю, и Великую войну — ужасные кровопролитные битвы, что за ним последовали.

Вскоре Персефона погрузилась в свое исследование и подготовку доклада. Она с интересом вчитывалась в труд

ученого, заявлявшего, что решение Аида воскресить Зевса и героев Афины стало решающим фактором в финальной битве, когда ее ноутбук вдруг со стуком захлопнули чьи-то руки с идеальным маникюром. От неожиданности богиня дернулась, подняла голову и посмотрела в удивительно голубые глаза на овальном лице, обрамленном густыми черными волосами.

— Угадай, что?

Персефона вытащила наушники.

— Лекса, что ты тут делаешь?

— Я шла домой с занятий и подумала, почему бы мне не заскочить сюда, чтобы сообщить тебе отличную новость!

Она покачнулась вперед на носочках, и ее иссиня-черные волосы качнулись вместе с ней.

— Какую новость? — спросила Персефона.

— Я смогу провести нас в «Неночь»! — Лекса не особо старалась сдерживать эмоции, и при упоминании знаменитого клуба несколько человек повернули головы, чтобы взглянуть на девушек.

— Тс-с! — шикнула на нее Персефона. — Ты что, хочешь, чтобы нас убили?

— Не смей меня. — Лекса закатила глаза, но голос все же понизила. В «Неночь» было невозможно попасть. Там был трехмесячный лист ожидания, и Персефона знала почему.

Клуб «Неночь» принадлежал Аиду.

Все то, что предлагали боги, пользовалось сумасшедшей популярностью. Линейка вин Диониса распродавалась за секунды и, по слухам, имела в составе амброзию. Выпив слишком много этого нектара, смертные чрезвычайно часто в итоге оказывались в подземном царстве.

Модные коллекции Афродиты были настолько желанными, что только недавно за одно из ее платьев убили девушку. Было судебное разбирательство, и все такое.

Клуб «Неночь» не был исключением.

— Как тебе удалось попасть в списки? — спросила Персефона.

— Парень с моей стажировки не может пойти. Он провисел в листе ожидания два года. Ты можешь поверить, как нам повезло? Ты. Я. «Неночь». Сегодня!

— Я не могу.

Плечи Лексы опустились.

— Да ладно тебе, Персефона. Мы можем попасть в «Неночь»! Я не хочу идти одна!

— Позови Айрис.

— Я хочу, чтобы со мной пошла *ты*. Нам же нужно отпраздновать. К тому же это часть твоей университетской жизни!

Персефона была уверена, что Деметра бы с ней не согласилась. Перед тем как отправиться учиться в университет в Новых Афинах, она дала матери несколько обещаний, и среди них — держаться подальше от богов.

Правда, мало какие из этих обещаний ей удалось сдержать. Она сменила свою специальность в середине семестра с ботаники на журналистику. Она никогда не забудет натянутую улыбку матери и ее «Как чудесно», выдвленное сквозь сжатые зубы, когда та узнала правду. Персефона выиграла битву, но Деметра объявила войну. С того дня, куда бы она ни пошла, за ней по пятам всегда следовала одна из нимф Деметры.

И все же специализироваться на ботанике было не так важно, как держаться подальше от богов, потому что боги не знали о существовании Персефоны.

Ну, они знали, что у Деметры есть дочь, но ее не представляли ко двору в Олимпии. Они определенно не знали, что она маскировалась под смертную. Персефона не представляла, как, обнаружив ее, могут отреагировать боги, но знала, как отреагирует весь мир, и это не сулило ей ничего хорошего. У них будет новый бог для изучения и наблюдения. Она не сможет существовать — и потеряет свободу, которую только что обрела, а этого ей совершенно не хотелось.

Персефона редко соглашалась с матерью, но даже она понимала, что лучше будет вести жизнь обычной смертной. Она не была такой, как остальные боги и богини.

— Мне правда нужно много выучить, да еще и доклад подготовить, Лекса. К тому же завтра у меня начинается стажировка.

Она была намерена произвести хорошее впечатление, а появление в офисе с похмелья или не выспавшейся в первый же день вряд ли могло этому поспособствовать.

— Ты же уже все выучила!

Лекса указала на ноутбук и кипу записей на столе. Но, по правде говоря, все это время Персефона изучала цветы и думала о боге мертвых.

— И мы обе знаем, что ты уже написала этот доклад, просто ты перфекционистка.

У Персефоны вспыхнули щеки. Что такого, даже если это правда? Учеба была главным и единственным, что у нее действительно хорошо получалось.

— *Ну пожалуйста*, Персефона! Мы уйдем пораньше, чтобы ты успела отдохнуть.

— И что мне делать в «Неночи», Лекс?

— Танцевать! Пить! Целоваться! Может, даже немного сыграть. Не знаю, но разве не в этом все веселье?

Персефона снова покраснела и отвела взгляд. Нарцисс словно смотрел на нее сердито, отражая все ее неудачи. Она никогда не целовалась с парнем. Рядом с ней никогда не было мужчин, пока она не приехала в колледж, но и после переезда она держалась от них на расстоянии, по большей части из-за страха, что ее мать тут же явится из ниоткуда и обрушится на них.

Это не было преувеличением. Деметра предупреждала ее насчет мужчин.

— Для богов ты — две вещи, — сказала она Персефоне, когда та была совсем еще юной, — средство для получения преимущества в игре либо просто игрушка.

— Мне кажется, ты ошибаешься, мама. Боги способны любить. Есть даже те, кто поженился.

Деметра рассмеялась:

— Боги женятся ради власти, мой цветок.

И когда Персефона подросла, ей пришлось убедиться, что мать говорила правду. Никто из вступивших в брак богов не любил друг друга, вместо этого они проводили большую часть своего времени за изменами и последующими попытками отомстить партнеру за предательство.

Это значило, что Персефоне суждено умереть девственницей, потому что Деметра также дала ей понять, что смертные для нее тоже не вариант.

— Они... *стареют*, — говорила мать с отвращением.

Персефона решила не спорить с матерью о том, что старость не имеет значения для настоящей любви, так как осознала, что ее мать не верит в любовь.

Ну, по крайней мере, в романтическую.

— Мне... нечего надеть, — предприняла еще одну слабую попытку Персефона.

— Можешь надеть что угодно из моей одежды. Я даже сделаю тебе прическу и макияж. Пожалуйста, Персефона.

Персефона поджала губы, размышляя.

Ей придется ускользнуть от нимф, которых мать поселила в их квартире, и усилить свои чары, из-за чего могут возникнуть проблемы. Деметра захочет узнать, зачем это Персефоне вдруг резко понадобилось больше магии. Но, опять же, она может свалить все на дополнительное прикрытие на стажировке.

Без чар личность Персефоны могла быть раскрыта, так как у всех божественных существ была одна общая характеристика — их рога. У Персефоны они были белыми и закручивались в спираль, устремляясь прямо в небо, как у антилопы куду. И хотя обычных чар было более чем достаточно для жизни среди смертных, она не была уверена, что они сработают при встрече с таким могущественным богом, как Аид.

— Честно говоря, мне не хочется встречаться с Аидом, — наконец сказала она.

Эти слова имели привкус горечи, потому что на самом деле это была ложь. Правда заключалась в том, что ей были очень любопытны и он сам, и его мир. Ей казалось весьма

интригующим то, что он был таким неуловимым, а пари, которые он заключал со смертными, — совершенно чудовищными. Бог мертвых представлял собой все, чем не являлась она, — нечто темное и притягательное.

Притягательное, потому что он был загадкой, а загадки — это приключения. То, чего так страстно желала Персефона. Может, это в ней говорил журналист, но она с удовольствием задала бы Аиду несколько вопросов.

— Аида там не будет, — ответила Лекса. — Боги никогда не управляют собственным бизнесом!

Это была правда, особенно в отношении Аида. Все знали, что он предпочитает мрак подземного царства.

Лекса окинула Персефону долгим взглядом, а потом наклонилась над столом.

— Дело в твоей маме, да? — тихо спросила она.

Персефона удивленно уставилась на подругу. Она никогда не говорила о своей маме. Потому что решила, что чем меньше она о ней расскажет, тем меньше вопросов ей будут задавать и тем меньше ей придется лгать.

— Откуда ты знаешь? — только и смогла произнести Персефона.

Лекса пожала плечами:

— Ну, ты никогда о ней не рассказываешь, а пару недель назад она пришла к нам в квартиру в то время, когда ты была на занятиях.

— Что? — У Персефоны отвисла челюсть. Она впервые слышала об этом визите. — И что она сказала? Почему ты мне об этом не сообщила?

Лекса подняла руки вверх.

— Ну, во-первых, твоя мама выглядит немного пугающе. В смысле, она великолепна, как и ты, но, — Лекса поехала, — холодная. Во-вторых, она сказала мне не говорить тебе.

— И ты ее послушалась?

— Эм, ну да. Я вообще думала, что она сама тебе расскажет. Она сказала, что надеялась сделать тебе сюрприз, но так как тебя не было дома, она просто перезвонит.